

Андреевское озеро. Кстати, оба они были одними из первых мастеров спорта СССР по стендовой стрельбе.

Л. Ф. Ларионов побывал в Тюмени только раз, после почти полувекового перерыва. В конце 1960-х гг. у нас в областном центре проходил зональный симпозиум по онкологии на базе онкологического диспансера. Помню, в аэропорту Рощино его встречала вся высокая медицинская общественность области. И как были все удивлены, когда, поздоровавшись со всеми, Леонид Федорович направился к отцу (я тоже была с ним) и поехал к нам домой. Тогда еще никто не знал, что он наш земляк, что именно на сибирской земле прошли его годы детства и юности...

К сожалению, после ухода из жизни наших друзей, переписка с их детьми прекратилась. На память в семейном альбоме остались лишь фотографии с дарственной надписью моему отцу.

Я очень благодарна Березовскому краеведческому музею, издательству «Югра», ГТРК Регион-Тюмень, сохранившим для потомков имя родоначальника династии Ларионовых – Федора Филипповича. Самой мне неоднократно приходилось выступать на конференциях в прессе с предложением увековечить память знаменитых земляков, присвоив одной из улиц областного центра (где они дали «аннибалову клятву») – Нагорной их имя, но мое слово пока никем не было услышано. Жаль...

В. А. ДАНИЛОВ

*КОМ#70**

** В декабре 2005 г. исторический факультет ТюмГУ отметил свой 60-й юбилей. Публикуемые воспоминания принадлежат перу доктора исторических наук, профессора Института истории и политических наук, стоявшего у самых истоков его рождения — Владимиру Алексеевичу Данилову. Сегодня этого замечательного человека, педагога, сподвижника и основателя факультета уже нет с нами...*

К настоящему времени написал и опубликовал уже пять материалов (я не решаюсь называть их статьями или воспоминаниями, это что-то другое, совершенно иной жанр). Подготовил шестой, в работе находится седьмой. А ведь когда-то, несколько лет назад, начиная все это мероприятие, думал всего лишь о нескольких зарисовках на десятке страничек. А теперь вроде пора бы и завершать. Но в памяти вновь и вновь всплывают факты, события, имена, сцены. В какой-то степени своеобразным толчком стало юбилейное издание, посвященное 75-летию родного института. Книга неплохо оформлена, прекрасно издана. Но вот содержание, текст вызывают целый ряд вопросов, иногда недоумение и часто даже обиду. Недоумение связано со слишком субъективной подборкой

фактов, отсутствием иногда логики, слишком формальным перечислением тех событий, которые авторы посчитали важными. Причем подбор этих событий в частях, посвященных разным факультетам, не является единообразным, критерии его размыты. В одних случаях основное внимание уделяется, например, защитам диссертаций некоторыми преподавателями, а в других — рассказу об изменениях в структуре факультета. Обида же вызвана отсутствием даже упоминаний о многих конкретных событиях, явлениях и особенно о конкретных людях, оставивших заметный след в развитии вуза.

Реакция, которая появилась после публикации первых материалов, в основном у коллег по факультету и первых читателей, в целом положительна. Это в какой-то степени радует, но одновременно появляются какие-то опасения, что не оправдаю всех ожиданий. Это возможно.

Все, вместе взятое, вновь и вновь толкает опять на какие-то размышления.

Сравнительно недавно для научно-практической факультетской конференции, посвященной 60-летию нашего подразделения, подготовил небольшое сообщение о начале своей работы и жизни в Тюмени в 1955–1957 гг. Для факультетского научного сборника написал заметки о своем сотрудничестве на каком-то этапе жизни с комсомолом и судьбе некоторых выпускников. А сейчас поставлен перед выбором — на чем остановиться еще. Что могло бы вызвать интерес, причем не только у меня, как свидетеля событий и автора представленных заметок, но и тех, кто будет с ними знакомиться, интересуется историей развития и вуза и родного факультета.

Определенно важным этапом, рубежом своей жизни считаю конец 1950-х — начало 1960-х гг. Это, прежде всего, знакомство с институтом. Он размещался тогда, если так можно сказать, в полторах зданиях. Одно — красный корпус на Володарского, нынешнее расположение ректората ТюмГУ. Вторая половинка — двухэтажка на улице Семакова. Здесь находились кафедра истории, лекционная аудитория, называемая кабинетом истории (несколько шкафов с книгами, ящик с минимальным количеством карт), аудитории, где проходили занятия студентов-историков. Другая часть факультета — филологическая — была на втором этаже основного тогда корпуса, где размещался деканат в маленькой комнатке, две кафедры и аудитории.

На своей кафедре довольно быстро познакомился и подружился, прежде всего, с ровесниками — Н. М. Елизаровой (античник), Б. Д. Козенко (читал курс истории средних веков, но являлся специалистом по новой истории США. Впоследствии по этой тематике защитил кандидатскую и докторскую диссертации). Довольно

*В. А. Данилов.
2005 г.*

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

**Заявление
от торгующих
в частных дворах
и других торговых
помещений
от 5 мая 1880 года**

Просьба, чтобы в воскресные, высокоторжественные Царские дни торговли никакой ни в лавках, ни в магазинах не производить, исключая лишь продажу необходимых жизненных продуктов, т. к. в торговле по воскресным и высокоторжественным дням никакой необходимости местным и окрестным не предстоит. Тем более что в Тюмени каждую

**БЕЗ
КОММЕНТАРИЕВ**

пятницу и субботу
бывают случаи
съезда окрестных
жителей в базарные
дни для торговли.

Подписано
55 купцами
и мещанами.

ГУ ГАТО Ф. И 2.
Оп. 1. Д. 1045.
(1880–1906 гг.).

**Правила
о распорядке
торговли
на базарах,
действовавшие
в г. Тюмени
в 1880–1906 гг.**

1. Мясникам, как
местным городским,
так и окрестных
селений, занимаю-
щимся бойнею скота
и продажей мяса в
городе, вменяется в
непременную
обязанность
производить
торговлю мясом из
лавок, для того
устроенных.

2. Крестьянам,
приезжающим на
базар для торговли
мясом скота
собственного убоя,
разрешается
торговля с возов
напротив местных
лавок.

3. На той же
местности разреша-
ется производить
торговлю привозя-
щим для продажи на
рынок дичь, колотую
домашнюю птицу и
поросят, не иначе
как только с возов.
Раскладывать для
продажи дичь и т. п.
на месте хотя бы с

близки мне оказались И. Н. Сосновкин (античник, приехавший в Тюмень практически одновременно со мной, но знакомы мы были еще с Ярославского пединститута, где оканчивали один факультет, были в аспирантуре на одной кафедре, а в Тюмени несколько лет проживали в комнатах одного общежития на Казанской) и П. Григоров (историк СССР и тоже сосед по общежитию). Я сознательно не упоминаю о П. И. Рощевском и Ф. И. Берелевич, наиболее опытных и уважаемых членах кафедры, ее костяке, базе, основе. Оба заслуживают самой высокой оценки и как специалисты и по человеческим, моральным качествам. В 1957 г. был назначен деканом историко-филологического факультета и уже вскоре стал считать это трагедией. До этого момента нигде практически никаких руководящих должностей не занимал. Не было ни соответствующих навыков, ни, тем более, опыта такой работы. Пришлось все приобретать заново, с «нуля». Получил в распоряжение небольшую комнатку деканата, секретаря (незабываемая А. В. Ивина (Тонечка). Никаких заместителей не существовало. Больше всего трудностей появлялось при составлении расписания занятий, прошло довольно много времени, пока освоил эту «науку».

Переход в новое качество привел к более тесному знакомству с преподавателями-филологами. Как уже сказано, они были объединены в две кафедры — литературоведческую и лингвистическую, причем остепененность была значительно более высокой, чем у историков.

Среди них особое впечатление интеллигентностью, коммуникабельностью, юмором привлекал Л. В. Полонский (курс советской литературы, очень любил читать стихи С. Есенина), любимец большинства студентов. Хотелось бы отметить специалиста по зарубежной литературе П. И. Вепринского, лингвистов И. И. Саморукова, К. П. Гуляева, М. А. Романову, Б. И. Фоминых (практически моего ровесника, с ним мы особенно сблизились, ряд лет он был заместителем директора нашего института по научной работе. Ныне — доктор филологических наук, декан филологического факультета Института русского языка им. А. С. Пушкина, Ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии), литературоведов Л. Г. Беспалову, Л. Т. Савиных, З. П. Белозерову и др. Студенты-филологи, помимо иных талантов, что ярко проявлялось во время проведения различных концертов самодеятельности, часто были авторами разного рода поэтических произведений (особенно, по многим причинам, запомнилась С. Изуграфова, приславшая мне сравнительно недавно свой поэтический сборник, где милая лирика тесно переплетается с ностальгией по юности и ушедшему прошлому). Студенты-филологи славились тогда своими стенными газетами, появление их на стене этажа (длина полосы 12–15 м) вызывало всеобщий ажиотаж. Активно участвовал в создании таких шедевров студент-старшекурсник Л. Варакин (ныне профессор кафедры русского языка, несколько лет руководивший этой кафедрой). Из массы бывших студентов того времени вспоминаются еще Л. Филиппова (доцент кафедры русского языка, тоже бывшая некоторое время ее ру-

БЕЗ
КОММЕНТАРИЕВ

↳ подставку под нее рогожи, парусины, клеенок, воспрещается. Неколотая живность, как-то птица, поросята и тому подобное, могут быть для продажи в порядке и на месте около возов в особых свободных помещениях, т. е. плетеных из прутьев корзинах и коробов, но не связанных под крылья и ноги. Это последнее строго воспрещается.

4. Продажа овощей, рыбы и ягоды и др. съестных продуктов производится или в построенных городом лавках, или на отводимых Городской Управой местах. С возов, с земли, хотя бы с подложкою

1937 г.

ководителем), М. Капеко (профессор, ректор в течение длительного времени Института искусств и культуры, начавший работу еще в филиале Челябинского института культуры в Тюмени и, по сути, фактически создавший это учебное заведение, сумевший значительно расширить учебные площади его, оснастить музыкальными инструментами и, что особенно важно, собрать и вырастить практически на пустом месте блестящий, своеобразный преподавательский коллектив).

Близко познакомился со многими преподавателями общеинститутских кафедр, особенно с теми, которые вели занятия на факультете. Это опять практически мой ровесник, педагог, впоследствии несколько лет занимавший пост заместителя директора по учебной работе В. А. Слостенин (ныне профессор Московского педагогического университета). Очень хорошее впечатление осталось от некоторых преподавателей более старшего поколения, тем более, что они практически постоянно занимали важные посты в институтской партийной организации — философ П. Г. Барабанов, экономист В. И. Дворцов, блестящие лекторы, хорошие организаторы, прекрасные, отзывчивые люди.

В конце 1950-х гг. Б. Козенко, возглавлявший секцию лекторов-международников в областной организации общества «Знание», уговорил меня заменить его на этом посту. Я понимал сложность его положения — учеба в заочной аспирантуре, подготовка к защите диссертации — и пошел навстречу товарищу. Этот поступок связал меня с лекционной деятельностью и обществом до начала 1990-х гг., вплоть до его безвременного фактического распада. Работа в Обществе дала мне очень много — постоянный тренаж в чтении лекций, отработка методики их проведения, выступления в разнообразных аудиториях (однажды лекция проходила в морге одной из больниц) и перед самыми разными слушателями (функционеры партийного аппарата, рабочие на буровой, учителя, доярки или скотники и т. п.). Очень полезной и ценной была практика проведения республиканской организацией Общества регулярных семинаров лекторов. Как правило, их было три-четыре в год, в большинстве в новом месте. Я объехал страну от Калининграда до Владивостока и от Мурманска до Краснодара. Обычно мы ездили группой в 8–10 человек, а по возвращении проводили кустовые семинары — в Ишиме, Тобольске, Ханты-Мансийске, Салехарде, Новом Уренгое и др. Для меня особенно важным было получение на таких семинарах свежей, ценнейшей информации. Лекции часто читали крупные специалисты и ученые — сотрудники МГУ, различных институтов Академии наук. Они давали информацию, которая или отсутствовала в периодике и научной литературе, или и не могла там появиться. Доволь-

БЕЗ
КОММЕНТАРИЕВ

рогожи, и т. п. воспрещается.

5. Хлебопеки, калачницы, крендельщики и другие лица, продающие хлеб и всякое печенье, обязываются продавать его со столов; крендели не ставить на землю пирамидами, но ставить таковые на столах или подвешивать на вешалки. Доски весов развешивания хлеба и др. печений должны быть всегда начищены от ржавчины и других вредновлияющих на народное здоровье предметов, почему на таких весах воспрещается перевешивать, кроме хлеба и вообще печения, что-либо другое, в особенности сырое, соленое, свежее мясо и рыбу.

6. При торговле мясом, рыбой,

но часто привлекала, была интересна логика анализа, рассуждений лекторов. От всего этого я получил очень много, все трудно переоценить. Жаль, что эта система развалилась, канула в Лету. В ней содержалась масса полезных элементов. Она готовила широкие массы населения к восприятию устной речи, способствовала распространению самых разнообразных и широких знаний.

С конца 1950-х гг. я добился разрешения на издание примерно трижды в год сборника материалов под общим названием «В помощь лектору». Это были напечатанные на ротапринте сборники объемом 28–34 страницы, содержащие четыре-пять разделов по различным аспектам международной жизни. Они были весьма популярны среди лекторов. Помимо всего прочего, привлекал к написанию отдельных разделов молодежь из институтских преподавателей, предполагая, что они в процессе такой работы будут получать и совершенствовать навыки написания научных статей. И, действительно, в некоторых, весьма нередких случаях, это помогало. В то время с публикациями были значительные сложности, и даже такого рода издание было какой-то отдушиной.

На факультете считаю важным мероприятием такое дело. В 1959 или 1960 г. было получено указание о проведении озеленения берега реки Тюменки. На месте современного Вечного огня стояло какое-то деревянное здание, а от него вниз к реке находилось помещение пожарной части. Крутой берег Тюменки постоянно осыпался, и решено было укрепить его посадками деревьев. Это мы и сделали со студентами за несколько дней. Так, благодаря студентам — историко-филологам в Тюмени появился еще один зеленый уголок.

Очень тепло проводились различные массовые мероприятия, связанные с красными днями календаря. Торжественные собрания с обязательным политическим докладом проходили в единственном тогда институтском актовом зале, ныне это Белый зал административного корпуса. Там имелась сцена с постоянно стоявшим роялем, стояли ряды стульев (на время танцев их сдвигали к стенам). Все собрания завершались концертами художественной самодеятельности. На факультете всегда училось много талантливых девушек и парней. Помню, что довольно часто возникали про-

блемы с аккомпанементом (гитара еще не стала народным инструментом). Иногда мечтал, что вот пройдет несколько лет и появится собственный аккомпаниатор в лице дочери, которая стала посещать музыкальную школу.

В 1959 г. руководство института добилось разрешения от городских властей на строительство жилого здания, Министерство, к счастью, выделило деньги. Строительство началось

на улице Димитрова. Стройка была «громадная» — двухэтажный деревянный дом на шесть квартир. В одной из квартир первого этажа мне с семьей и разрешили поселиться. Наконец-то окончился девятилетний период общежитской жизни (семь лет в Ярославле на берегу Которосли и два года в Тюмени). Квартира была роскошная — комната (17–19 м²), кухня с печкой, удобства на дворе. Соседом моим стал коллега по кафедре Ф. И. Фургин. За водой мы первоначально ходили на ближайшую колонку, но затем, организовавшись, собрали деньги, нашли рабочих. Они прокопали траншею, положили трубы, подсоединили их к городскому водопроводу и сделали разводку по квартирам. Все было прекрасно, за исключением двух обстоятельств — отсутствовала канализация, и вода из раковины текла в подставленное ведро и вода эта была отвратительного качества. Помимо крайне неприятного запаха, в ней содержались массы примесей. Налитую воду следовало отстаивать не менее суток. Но и это было счастьем. Вскоре в большом дворе дома было поставлено еще два щитовых домика. Возник институтский уголок, чуть ли не городок.

Примерно в 1959 г. меня пригласили для проведения занятий по курсам международных отношений и истории мирового рабочего и коммунистического движения в только что созданный консультационный пункт заочной Высшей партийной школы при Центральном Комитете партии. Это учебное заведение было создано когда-то для повышения образовательного и политического уровня партийных работников высшего звена. В послевоенный период к руководству пришло новое поколение людей, многие имели высшее, но техническое образование. Кроме того, на руководящих постах оказалось много заслуженных фронтовиков, часто вообще без диплома. Появилась необходимость быстрого повышения их квалификации. Эту задачу и должна была решить партшкола. Первоначально в нее принимались слушатели высшего звена партийной и советской номенклатуры. В 1950-е гг. подошло время для обучения секретарей и заведующих отделами горкомов и райкомов партии, руководителей городских и районных Советов. Впоследствии, уже в мое время, приступили к обучению инструкторов, председателей сельских советов, журналистов. Слушатели сдавали зачеты и экзамены на месте, а на государственные экзамены ехали в Свердловск. Обучение было довольно серьезным, изучалась масса предметов, большое внимание уделялось конкретно-экономической проблематике. Учеба в партшколе способствовала повышению политического уровня ее выпускников, формировала навыки руководителей, управленцев. Во время командировок для чтения лекций в города и районы области я почти повсеместно встречал своих бывших слушателей и ни разу не слышал жалоб или нареканий на плохую подготовку.

П. И. Роцевский активно сотрудничал с архивом и музеем. Результатом работы в архиве стал прекрасно подготовленный Путеводитель. К связям с музеем Павел Иванович всеми силами пытался привлечь членов кафедры. Мы участвовали в методической

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

овожами, хлебными и печеными в точности соблюдается параграф двенадцатый обязательных постановлений, утвержденных Тобольским Губернским погородским делением присутствием от 4 августа 1879 г., т. е. чтобы лавки, полки, скамьи, на которых производится продажа мяса, рыбы, хлеба и съестных продуктов, были постоянно чистыми, продаваемые с них предметы прикрыты чистыми холщевыми скатертями или полотнами. Без этих условий продажа мяса, рыбы, хлеба, овощей и тому подобного воспрещается.

7. Воспрещается развозить по базарам между рядами пряничные изделия. Продающие на базарах из рук разные предметы не должны ходить в рассыпную по всему базару, но обязываются держаться тех мест, где продаются товары и продукты однородные с принесенными для продажи.

8. Воспрещается сбивенникам продажа сбитня вразнос в чашках с горячими угольями.

БЕЗ
КОММЕНТАРИЕВ

9. Воспрещается торговля мясом и рыбой в домах и из находящихся при них торговых заведений.

10. Не производится на базарах и в магазинах торговля по воскресеньям, двенадцатым, Высокопоставленным дням с восьми часов утра до восьми часов вечера (исключение составляют: кондитерские, булочные, лица торгующие печеньем, хлебом и сеном). Торговля исключительно мясным и рыбою производится в воскресные и праздничные дни до девяти часов утра. В случае если базарный день придется на Высокопраздничные дни в двенадцатый (праздничный или воскресный) день, ограничений для торговли не существует. Так, не существует ограничений для торговли и в ярмарку, учрежденную в Тюмени (с 15 января по 5 февраля, с 20 июля по 15 августа). Продавцам запрещается в базарные дни скупать всякого рода продукты до 12 часов утра.

ГУГАТО. Ф. и 2.
Оп. 1. Д. 1045.
Л. 12-14.

работе, давали отзывы на планы экспозиций, выступали с различными сообщениями.

Важным этапом моей жизни стал поворот в тематике научной работы. Я писал кандидатскую диссертацию в свое время по истории Германии. Будучи в Тюмени, по этой проблематике выступал на ряде научных конференций, опубликовал несколько статей и даже брошюру. Но вскоре накопленные ранее материалы стали иссякать. Новый фактический материал можно было получить только при занятиях в центральных книгохранилищах, причем там надо было заниматься не по одной – две недели, а гораздо больше. Но таких длительных командировок, как тогда, так и сейчас, не предоставляют. Я оказался в своеобразном тупике. Стал мучительно искать выход. И его, в какой-то момент, подсказал почти случайно П. И. Рощевский, прекрасный знаток архивных фондов. Так и случилось, что возникла новая тема для научной работы. Тема, которая находилась на стыке родной мне до того зарубежной истории и нового аспекта – истории Отечества. Речь идет об истории движения иностранцев, оказавшихся теми или иными путями и случаями на территории нашей страны и принявшими участие в событиях 1917–1921 гг. Изучение этой проблемы началось еще в 1920–1930 гг. XX в., но главное внимание обращалось на деятельность отдельных персонажей – Бела Кун, О. Дундич, Я. Гашек, Мате Залка и др. С конца 1950-х гг. (вначале в связи с подготовкой к празднованию сороковой, потом пятидесятой и шестидесятой годовщин революций 1917 г.) интерес к теме значительно возрос не только в нашей стране, но и в Венгрии, Германии, Польше, Чехословакии, Югославии. У меня встали две проблемы, связанные с национальным и территориальным аспектами.

Национальный – иностранцы, очевидцы и участники событий в России, в основном были военнопленными армий Германии и многонациональной Австро-Венгрии, почти десяток национальностей. К моменту возникновения у меня интереса к теме в Сибири как минимум три историка занимались изучением движения венгров, представители других национальностей в качестве проблемы для большой работы не «тянули». Я много сил и времени потратил на составление подробного плана-проспекта по истории немцев, но, в конце концов, вынужден был отказаться от этой идеи, и решил изучать движение иностранцев в целом, в комплексе.

Территориальный – история движения иностранцев изучалась в пределах страны в целом, а также в региональном плане – Центр, Северо-Запад, Поволжье, Юг, Урал, Сибирь и другие. Изучив вопрос, я решил взяться за объединенную территорию – Урало-сибирский регион. Первоначально это решение было чисто интуитивным. Но дальнейшая работа, проникновение в тему, показало, подтвердило правильность выбора такого подхода. Движение иностранцев на этой объединенной территории имело ряд своих особенностей и отличий с точки зрения активности и размаха, организационных форм, руководства и многих других. После пред-

варительного изучения основной литературы и последующего обращения к архивам выявились новые трудности. Прежде всего, многоязычность материалов, а также отсутствие групп, видов, типов документов, скомпонованных и сосредоточенных в одном месте.

В 1962 г., после изучения некоторых документов в бывшем архиве Тюменского обкома партии, написал первую статью по этой тематике (сейчас, более чем через сорок лет после этого опыта, вижу слабость ее, недостатки, в некоторые моменты испытываю стыд за этот первый блин). После этого в тематике статей и в выступлениях на разного уровня научных конференциях ушла в прошлое немецкая тематика. Через несколько лет, подготовив определенный задел, стал ставить вопрос о переходе на должность старшего научного сотрудника с целью написания текста докторской диссертации. С большим трудом удалось этого добиться, не кем было заменить меня при проведении занятий. Но, в конце концов, удалось решить и эту проблему.

Считаю важным моментом своей жизни 1964-й г. На работу к нам приехал выпускник исторического факультета Московского госуниверситета Д. Л. Макеев (уроженец Дулева, одного из крупных центров фарфорового производства России). Мы с ним сразу же очень сблизились. На него было возложено чтение курсов лекций по новой истории зарубежных стран, а ко мне перешел весь период новейшей истории. Я сразу же стал привлекать его к различным видам работы — чтению лекций по линии общества «Знание», проведению занятий со слушателями Вечернего университета марксизма-ленинизма, написанию материалов для методичек «В помощь лектору». Он с этим успешно справлялся. В ходе постоянных дружеских общений активно

*В. А. Данилов.
2-й ряд, 3-й
слева. 1946 г.*

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

**Правила
производства
торговли,
установленные
в г. Тюмени.
О производстве
оптовой торговли
и ее отличии
от розничной**

1. Оптовая торговля производится из купеческих контор, складов, амбаров, а также судов, состоит в продаже различных товаров партиями.

Розничной торговлей считается раздробленная продажа товаров, производимая из лавок, магазинов и

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

др. торговых заведений.

Мелочная торговля производится из определенных помещений.

Оптовая торговля первой гильдии состоит в содержании контор, складов, амбаров, из которых ведется торговля.

О содержании лавок

1. Оптовый склад или амбар, из которого производится продажа товаров, если состоит из одного покоя, может иметь два входа или двое ворот, при одном билете. На каждые же ворота сверх двух должен иметься другой — особый билет, если такой состоит из нескольких отделений, имеющих каждый особый вход или ворота, то должен иметься билет на каждый из них. Не облагаются взятием билетов содержащиеся оптовыми торговцами первой гильдии амбары, склады на пристанях для временного складирования хлебного товара.

2. Лавки при фабриках и заводах, ремесленных

рекомендовал ему заняться работой над диссертацией, также совместно сформулировали и тему этого сочинения. Дима приступил к работе, периодически представляя мне для прочтения отдельные части, подробно обсуждали их, корректировали. В ходе работы, по крайней мере дважды, меняли план диссертации. У нас в институте тогда не было Совета по защите диссертаций. Я обратился за помощью, советом и поддержкой к профессору, заведующему кафедрой Пермского университета Л. В. Кертману. С ним мы сблизились в ходе совместного участия в различных научных конференциях. В 1960-е гг. «могучая кучка» уральских историков-зарубежников была представлена им, И. П. Чемпаловым (Свердловск), И. С. Киссельгофом (Уфа). Я. В. Зайцевым (Уфа). Лев Ефимович, ознакомившись с диссертацией, обсудив ее на кафедре, согласился поставить работу на защиту в Перми. Мне, как фактическому руководителю работы Д. Макеева, ректор разрешил поехать в Пермь. Защита прошла блестяще. Вскоре после защиты Д. Макеев стал работать заместителем декана факультета, был избран секретарем партийного комитета университета. В разговорах часто упоминал о мечте возвратиться в Подмосковье, на родину, и заняться докторской диссертацией. Я пытался как-то задержать его в Тюмени, но понимал одновременно, что работать в Тюмени над докторской диссертацией по зарубежной истории сложно. Наконец, с помощью тогдашнего заведующего лекторской группой Обкома партии А. Требкова (ныне Председатель Международного союза юристов, Почетный Президент Союза юристов России) добился разрешения на выезд за пределы области и обосновался во Владимире, Начав там с доцента, дорос до заведующего кафедрой, защитил докторскую диссертацию и, наконец, был избран ректором педагогического университета.

Судьба Д. А. Макеева невольно напомнила мне ряд событий из моей собственной жизни. Я неоднократно пытался распрощаться с Тюменью. В 1960-е гг. меня упорно приглашали на работу вначале в Уральский, а потом в Саратовский университет. В один из них даже был избран по конкурсу. В 1968 г. поехали в гости к родственникам в Минск, зашел в университет, побродил по коридорам, встретил даже кого-то из знакомых, а затем оправился в Министерство народного образования Белоруссии.

Поинтересовался вакансиями. Мне посоветовали обратиться в педагогический институт в Гродно. В ближайшие дни слетал туда на самолете, познакомился с коллегами, взаимно понравились, оставил документы, а через месяц примерно, уже в Тюмень, пришло известие об избрании меня на должность доцента. Вот так могла сложиться моя судьба. И, сейчас, по прошествии стольких лет, я не могу с абсолютной точностью сказать, какую ситуацию следует считать лучшей, везением. Ясно одно — при моем отъезде в любой другой город научные интересы стали бы проявляться в другом направлении. Но удалось бы тогда написать докторскую диссертацию по какой-то другой теме? Вопросы, вопросы и вопросы...

Почему же не уехал? Наверное, самое главное, законопослушность. Хотя какие законы... С 1953 г. я был членом коммунистической партии, не стыжусь этого, но и не горжусь, просто констатирую. Можно при желании обвинить меня в чем угодно, но только не в двоедушии. Я родился и вырос в определенную эпоху, был воспитан в ее духе. Верил в коммунистические идеалы. Не хочу кривить душой и заявлять задним числом, как это сейчас очень легко делают многие, о своем неверии, давнем прозрении. Не люблю, ненавижу ренегатов. Я был честен перед собой, перед страной, где родился и живу, перед моими предками. Человек на протяжении жизни меняется, это неизбежно и объяснимо. Но такие изменения чаще бывают эволюционными, внезапные прыжки в характере, в поступках, в сознании, мне кажется, должны вызывать недоумение и сомнения. За свою сравнительно долгую жизнь встречался с огромным количеством людей. Многие были для меня идеалом — по уму, интеллекту, знаниям. И они верили искренне в те же идеалы. Мы были глупы, так считают многие представители нынешнего смутного поколения. Но пусть они хотя бы восстановят то, что было разрушено, не говоря уже о создании хотя бы базы, адекватной ликвидированному обществу. Так вот, главная причина, которая мешала мне бросить все и уехать из Тюмени, это партийная дисциплина. Любая моя просьба о выдаче разрешения на отъезд обязательно упиралась в категорический отказ. Чем грозило это в то время? Получение выговора той или иной степени (или еще чего-то более неприятного), невозможность устроиться на такую же работу где-либо, в конечном счете, отказ от специальности...

Была еще одна попытка поворота в моей судьбе, Попытка, исходившая извне. В 1960-е наверху заметили мое активное участие в лекционной пропаганде, очевидно, положительно оценили эту деятельность. Я был утвержден вначале внештатным лектором городского комитета партии, а немного позднее и обкома. Знакомые партийные функционеры считали это высоким достижением и честью. Я же относился к этому факту спокойно. И вдруг меня стали приглашать в кабинеты партийных руководителей различного ранга и предлагать перейти на постоянную работу из института в лекторскую группу. Я постоянно отказывался, приводя различные аргументы. В один из дней мне приказали явиться для окончательного разговора в приемную первого секретаря Б. Е. Щербины. Я шел со страхом, в таких кабинетах отказываться не принято. Посидел в приемной примерно полчаса, и вдруг выяснилось, что секретаря куда-то вызывают, и он спешно уезжает или улетает куда-то. Больше меня не вызывали.

Так и остался на прежней работе, в прежнем городе. Был когда-то чужой город, «темное место», сибирская глубинка, а стал близким и дорогим. С ним связаны две трети жизни. Горжусь этим.

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

заведениях разрешается содержать по билетам предприятия. Для продажи из них брать особый билет не нужно, если открывается магазин, билет обязателен. Для продажи продуктов питания и различных предметов рабочим предприятия, требуется билет по окладу гильдейского свидетельства хозяина предприятия.

3. По ст. 41 лавкой не считаются мастерские, где производится само ремесло, хотя бы из нее были продаваемы ее изделия.

О базарах

В базарные дни, назначаемые городским и сельским начальством, допускается свободная без торговых свидетельств продажа только припасов и своих произведений на определенных для этого местах с возов, судов и лодок. Приезжающим на базар, торжки продавцам и промышленникам запрещается заводить для сего лавки без взятия установленных свидетельств и билетов.

